

ТАТЬЯНА СОКОЛ

УПРАВЛЕНИЕ
ЖИЗНЕННЫХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

ДОГОВОР
НА ЧУЖУЮ СУДЬБУ

ДОГОВОР НА ЧУЖУЮ СУДЬБУ

НЕКОТОРЫЕ ДОГОВОРЫ
НЕЛЬЗЯ РАСТОРГНУТЬ.
НО МОЖНО ПОПРОБОВАТЬ
ИЗМЕНИТЬ ИХ УСЛОВИЯ.

Татьяна Сокол

Договор на чужую судьбу

«Автор»

2026

Сокол Т.

Договор на чужую судьбу / Т. Сокол — «Автор», 2026

А что, если вашу судьбу уже кто-то изменил — и вы даже не знаете об этом? Вера Андреевна — опытный юрист, привыкшая доверять фактам, документам и логике. Но однажды в её руках оказывается договор, который невозможно объяснить ни одним законом. Этот документ позволяет распоряжаться не деньгами, недвижимостью или наследством. Его предмет — человеческая судьба. За привычной реальностью скрывается загадочное Управление жизненных обстоятельств. Здесь решают, кому встретить любовь, кому потерять всё, кто получит второй шанс, а кто заплатит за чужое счастье. Чем глубже Вера погружается в тайны Управления, тем страшнее становится правда. Случайные встречи оказываются тщательно спланированными. Несчастья — результатом чужих решений. А свобода выбора — возможно, самой большой иллюзией. Но что произойдёт, если человек, привыкший защищать других, решит бросить вызов самой системе? И главное — что, если договор на её собственную судьбу уже подписан? «Договор на чужую судьбу» — мистический роман

© Сокол Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Сокол

Договор на чужую судьбу

Договор на чужую судьбу

Роман

Содержание

- Глава 1 Номер для оценки
- Глава 2 Вход через аптеку
- Глава 3 Лицо заботящееся
- Глава 4 Справка об отсутствии
- Глава 5 Непересматриваемые факты
- Глава 6 Квартира семь
- Глава 7 Благополучная биография
- Глава 8 Человек с двумя ключами
- Глава 9 Срок хранения
- Глава 10 Дочь совершеннолетняя
- Глава 11 Дело о спасённом мальчике
- Глава 12 Свидетели
- Глава 13 Порядок передачи
- Глава 14 Предварительное согласие
- Глава 15 Чужая польза
- Глава 16 Технический перерыв
- Глава 17 Заседание без председателя
- Глава 18 Право на ошибку
- Глава 19 Расторжение
- Глава 20 После окончания приёма

Глава 1

Номер для оценки

— Я хочу вернуть мужа, — сказала посетительница.

Вера Андреевна отложила ручку.

— Он ушёл?

— Его отменили.

За стеной включили дрель. Вера Андреевна дождалась, пока мастер просверлит очередное отверстие в несущей конструкции здания, и попросила рассказать с самого начала.

Женщина положила на стол справку. Обычный лист, синяя печать, подпись. Такие справки Вера Андреевна видела тысячами. Необычным было содержание.

«По результатам рассмотрения установлено: знакомство гражданки Елисеевой Н. П. с гражданином Елисеевым А. М. являлось неблагоприятным обстоятельством. Обстоятельство устранено».

Ниже стоял номер телефона для оценки качества обслуживания.

— Мы прожили семнадцать лет, — сказала женщина. — Плохо прожили. Я этого не скрываю.

— Кто выдал справку?

— Управление жизненных обстоятельств. На Садовой. Там ещё аптека внизу.

Вера перевернула лист. На обороте ничего не было.

— И что произошло после обращения?

— Я не обращалась. Соседка обратилась. У них можно за близкого человека.

Дрель замолчала. Стало слышно, как в приёмной секретарь объясняет кому-то, что бесплатная консультация тоже проводится по записи.

— Вы понимаете, я теперь живу гораздо лучше. Квартира моя. Давление нормальное. В воскресенье в театр ходила.

Она говорила ровно, словно давала показания о чужом происшествии.

— А муж?

— Не знаю. По их сведениям, он со мной не знаком.

— Тогда чего вы хотите добиться?

Женщина впервые посмотрела на неё сердито.

— Чтобы меня спросили.

Вера снова взяла ручку. Это было понятное требование. С такими она умела работать.

Посетительницу звали Натальей Петровной Елисеевой. Пятьдесят восемь лет, преподаватель черчения в колледже. Она не производила впечатления человека, которому нравилось рассказывать о себе. На вопросы отвечала добросовестно, но всякий ответ словно доставала из неудобного дальнего ящика. Оказалось, что муж любил проверять чеки, много пил в последние годы и однажды выбросил с балкона её цветы. Потом сам собирал землю с тротуара. Этот последний факт Наталья Петровна сообщила с особым нажимом.

— Он не всегда такой. Я не хочу, чтобы вы сразу решили.

— Я пока ничего не решила.

Вера написала в блокноте: «Воля заявителя». Рядом поставила вопросительный знак. Справка явно предполагала особое, не вполне здоровое чувство юмора. Однако на шутку была потрачена хорошая бумага, а женщине уже пришлось платить за такси и консультацию. Не исключалось мошенничество. С пожилыми людьми, впрочем и с молодыми, мошенники вели себя всё изобретательнее. Их профессиональный рост заметно опережал рост остальных отраслей.

— Паспорт у вас с собой?

В паспорте не было отметки о браке. Само по себе это ничего не доказывало. Квартира, если верить выписке, принадлежала Наталье с две тысячи шестого года, хотя куплена была супругами значительно позже. Вера проверила номер документа. Номер был безукоризненным. Сайт тоже был настоящий.

— А свидетельство о браке?

— Теперь у меня свидетельство об окончании курсов. Я преподавать компьютерное черчение училась. Двести сорок часов. Хранилось в той же папке.

— Вы уверены, что не перепутали папки?

— Я всё время надеюсь, что перепутала. Но в комнате его нет. Вещей нет. Даже полка стала короткая. Понимаете, я эту полку сама покупала. Она была на восемьдесят сантиметров. Теперь шестьдесят. Сантиметр тот же.

Вера нечаянно посмотрела на собственный шкаф. Шкаф стоял как обычно, немного не по уровню, и больше ни в чём замечен не был.

— Родственники мужа что говорят?

Наталья Петровна сжала ручку сумки.

— Его сестра спросила, откуда у меня её номер. Я сказала — вы мне на свадьбе записали. Она сказала, что я жилая мошенница.

— Жилищная?

— Нет. Живая. Что мужа её брата нет, а я живая. Я сама не очень поняла.

В коридоре негромко засмеялась Лида. Вера представила, как потом будет рассказывать ей об отменённом муже. Нет, не будет. Лида ещё слишком легко смеялась над посетителями. Она не успела заметить, что посетители, даже смешные, почти всегда приходят с бедой.

— Дети есть?

Наталья подняла глаза.

— Вот поэтому я и пришла.

Из сумки появился потрёпанный школьный дневник. На обложке был автомобиль, нарисованный так решительно, что на нём следовало ездить только по стенам. Внутри аккуратным учительским почерком было выведено: «Елисеев Дмитрий Андреевич. Восьмой Б».

— Ему четырнадцать. В понедельник он спросил, почему я зову его папу. Я не сразу поняла. Сказала — ужинать. Митя говорит: у нас никогда папы не было. Ты же сама рассказывала.

— И что вы ответили?

— Я ударила его. По щеке.

Она произнесла это без оправдания и посмотрела на свои руки. Пальцы были маленькие, в чернильных следах.

Вера закрыла блокнот.

— Потом?

— Потом мы оба плакали. Я извинилась. Он говорит — у тебя переутомление. Они в школе теперь знают это слово. Очень полезное слово. Почти всё им можно объяснить.

Наталья достала фотографию. Мальчик лет восьми стоял рядом с женщиной у моря. Слева от мальчика был виден кусок мужского рукава. Самого мужчины на фотографии не было: край оказался обрезан, причём неровно, как будто его откусили.

— Откуда снимок?

— Нашла у Мити в книжке. Он закладывал страницу. Это на бумаге, не в телефоне. В телефоне мы вдвоём.

Вера поднесла фотографию к окну. На обороте карандашом было написано: «Андрей опять опоздал в кадр. Судак». Подпись вдруг показалась ей значительно убедительнее справки.

Человек, который опоздал в кадр, существовал совершенно естественно. Его не требовалось выдумывать.

Она позвонила по номеру из справки. Ответил женский голос. Сначала попросил оценить, насколько удобно ей было найти номер. Вера сказала, что это не относится к делу.

— Все сведения относятся к делу, — любезно возразили ей. — Для обращения по существу назовите номер договора.

— У моей клиентки нет договора.

— Значит, её обращение осуществляется в порядке заботы.

— Она возражает против такой заботы.

Пауза длилась секунды три. Вера услышала на другом конце кашель и шелест бумаги. Так кашляют люди, которым внезапно принесли документ, не помещающийся в уже заполненную папку.

— Возражение зарегистрировано. Теперь вы можете оценить качество регистрации.

— Я не собираюсь ничего оценивать.

— Это тоже учитывается.

Связь прервалась.

Вера положила телефон на стол, экраном вверх. Наталья смотрела на неё с ожиданием, и это ожидание постепенно становилось невыносимым. На консультации можно было не знать ответа. Нельзя было позволить, чтобы человек принял твоё молчание за отсутствие надежды.

— Мне понадобятся документы. Всё, что осталось. Переписка, фотографии, квитанции. Ничего не выбрасывайте и не отдавайте. С мужем пока не ищите встречи одна.

— Вы верите мне?

— Я вижу, что произошло что-то, чего вы не понимаете. И что вы этого не просили.

Наталья впервые немного расслабилась. Не улыбнулась, но плечи опустила, словно ей разрешили поставить тяжёлую сумку.

Они договорились встретиться завтра. Вера выписала расписку о приёме справки и фотографии. Дневник оставила матери: мальчику и без того было трудно. Фамилию клиентки в книге учёта написала сама, потому что Лида куда-то вышла.

Пока Наталья застёгивала пальто, в кабинет заглянул мужчина с рулеткой. За ним показалась Лида. Мужчина хотел убедиться, что между шкафом и стеной можно провести кабель. Вера попросила подождать в коридоре. Он сказал, что в коридоре уже ждёт, а работу у него принимают сегодня.

Наталья сама отодвинулась от стены. Мужчина раскрыл рулетку. Зацепил металлический язычок за край шкафа, вытянул ленту и назвал число. Вера записала его на полях. Он удивился, зачем это нужно юристу, но повторил: восемьдесят два.

— Вы потом можете подтвердить, что измеряли здесь? — спросила она.

— Если передвинете шкаф, это уже не моё. Я сегодняшнее отвечаю.

Вера поблагодарила. Совершенно точный ответ. Человек не соглашался подтвердить больше того, что видел, и, вероятно, поэтому лучше понимал свою работу, чем некоторые участники дела Елисеевой.

Мастер ушёл, Лида проводила его. Наталья смотрела на запись с числом.

— Вы мне не совсем верите, — сказала она.

— Я проверяю.

— Это правильно. Я бы тоже проверяла. Только не отправляйте меня сразу к врачу. Я сходила. Мне сказали выпастыся и убрать раздражители. Я спросила, как убрать раздражитель, если я его найти не могу.

Она вдруг улыбнулась, и Вера увидела совсем другую женщину. Ту, которая могла вести урок, сердиться на небрежный чертёж, спорить с продавцом не из отчаяния, а потому что знала цену вещи. Не роль потерпевшей, не носительница невозможного рассказа.

Наталья попросила разрешения кое-что дописать. Взяла чистый лист и стала перечислять предметы, оставшиеся от мужа. Вначале список шёл легко: куртка, второй ключ, чашка с отбитой ручкой. Потом она зачеркнула чашку. Её как раз не было. Наконец записала призывку покупать по дороге домой хлеб, даже когда дома уже есть хлеб. Подумала и добавила: «Не знаю, чей теперь».

Вера попросила не исправлять эту строку. Стало важно оставить сомнение на месте, не выдавая его за вещь, которую можно предъявить.

— А вы что делаете, когда не можете проверить? — спросила Наталья.

— Стараюсь не расширять утверждение. Если не знаю, где человек, пишу, что его не удалось найти. Не пишу, что его нет.

Наталья кивнула и дописала внизу: «Не удалось найти». Ей явно стало легче от точности, хотя сама ситуация не изменилась. Вера поймала себя на знакомом профессиональном удовлетворении и сразу насторожилась. Удовлетворение тоже могло оказаться преждевременным. Правильная фраза ещё никого не привела домой.

За дверью мастер ругался с кем-то по телефону. Требовал не принимать кабель по чужой накладной. Лида разыскивала у него номер ответственного. Обычная работа продолжалась, и Вера хотела удержаться за неё обеими руками. Если бы сейчас ей принесли понятный спор о неуплаченной аренде, она, наверное, испытала бы радость.

Она спросила, нужно ли позвать Митю на следующую встречу. Наталья сначала сказала, что мальчику лучше не знать подробностей. Вера напомнила: он уже живёт в этих подробностях. Наталья долго складывала лист пополам.

— Я могу его спросить, — произнесла она наконец. — Только боюсь, что откажется.

Вера сказала, что тогда они будут разбираться без него до тех пор, пока это возможно. Она ещё не знала, насколько скоро он придёт сам.

На лестнице Наталья обернулась.

— В театре было хорошо, — сказала она. — Я ведь действительно давно не ходила. Мне бы хотелось, чтобы это тоже учли.

Когда дверь закрылась, Вера некоторое время сидела неподвижно. Потом включила настольную лампу, хотя было ещё светло, и стала искать Управление жизненных обстоятельств. Поисковик предложил ей двадцать семь способов изменить жизнь и один бесплатный вебинар о личной ответственности. Существования учреждения он не признавал.

Лида вернулась с двумя бумажными стаканчиками кофе.

— Вам без сахара. Вы опять забыли пообедать.

— Я просила тебя снять копию паспорта посетительницы?

— Какой посетительницы?

Вера подняла голову.

— Женщины, которая сейчас была. В синем пальто. Ты её проводила ко мне.

— Сегодня никто не приходил. Вы же сами отменили приём. Из-за ремонта.

За стеной снова заработала дрель.

Вера открыла книгу учёта. Последняя запись была вчерашняя. Лист, на котором она только что выводила фамилию Елисеевой, оставался чистым. Однако на следующей странице проступили следы нажима. Если повернуть её к лампе, можно было разобрать две буквы и длинный хвостик от «й».

Лида поставила кофе на край стола.

— Вам плохо?

Вера проверила конверт. Справка и фотография лежали внутри. На фотографии всё ещё виднелся мужской рукав. Она провела по нему пальцем, будто могла таким способом удержать мужчину от окончательного ухода.

— Нет, — ответила она. — Но завтра мы работаем по обычному расписанию.

— Мастер просил ещё день.

— Пусть работает.

Она достала чистый лист, написала крупно имя Натальи Петровны и положила лист под стекло на своём столе. Потом достала ещё один и записала: «Лида её не помнит».

Внизу, на улице, коротко просигналила машина. Ничего необычного. Москва продолжала исполнять свои обязательства перед вторником.

Вера подождала, не исчезнут ли буквы.

Буквы остались.

Глава 2

Вход через аптеку

Утром Вера обнаружила, что забыла дома очки, и подумала, что это совсем некстати: мир и без того начал расплываться по краям. В сумке очки нашлись. Там же лежали конверт, два мандарина и чек из магазина, в котором она ничего не покупала. Чек Вера сохранила.

Аптека на Садовой оказалась круглосуточной. За стеклом стояла девушка с таким выражением лица, какое к восьми утра бывает только у человека, всю ночь продававшего людям средства от последствий их свободного выбора.

— Управление жизненных обстоятельств где находится?

Девушка указала на боковую дверь.

— За измерителем давления. Только сначала талон.

Автомат выдавал талоны трёх цветов. На экране предлагалось выбрать: «Впервые», «Повторно», «Не согласен». Вера нажала третью кнопку. Автомат зажуужал и выдал белый прямоугольник без номера.

— Сломался?

— Нет, — сказала девушка. — Ваши без очереди. Их мало.

За дверью пахло мокрой шерстью и варёной капустой. Вдоль стены сидели люди: мужчина с детским велосипедом, девушка в свадебном пальто, старик, держащий обеими руками пустой футляр от скрипки. Они смотрели на табло. Табло не показывало цифр. На нём медленно сменялись слова: «Ожидайте», «Уточняется», «Всё к лучшему».

Вера подошла к окошку. За ним пожилая сотрудница водила пальцем по журналу.

— Руднева Вера Андреевна, — сказала она раньше, чем Вера успела представиться. — Представительство по делу Елисеевых. Второй этаж, двенадцатый кабинет. Вы на три минуты раньше.

— Я не записывалась.

— Это мы записали. Вы сообщили возражение по телефону.

— А если бы я не пришла?

— Мы постарались бы сделать так, чтобы пришли.

Вера медленно убрала паспорт в сумку. Сотрудница выглядела усталой, доброжелательной и совершенно не понимала, что только что сказала что-то недопустимое.

На лестнице мужчина в сером свитере возился с электрическим чайником. Чайник был включён в розетку на площадке и стоял на стопке папок. Мужчина придерживал крышку локтем, а двумя руками завязывал ботинок.

— Двенадцатый? — спросил он. — Подождите, я сейчас.

— Вы принимаете посетителей на лестнице?

— Нет, на лестнице у нас кипятят воду. В кабинете от чайника выбивает пробки. Здание старое, обстоятельства современные.

Он выпрямился, подхватил чайник и пошёл наверх. Вера последовала за ним. Ей хотелось увидеть за всем этим мошенника, актёра, врача — кого угодно, чью деятельность можно было бы назвать известным словом. Мужчина повесил на дверь табличку «Павел Ильич Белов. Связи», попросил прощения за беспорядок и освободил для неё стул.

На подоконнике стояли четыре кактуса. На одном висела бумажка: «Не улучшать».

— Это шутка? — спросила Вера.

— Нет. Он цветёт, когда ему плохо. Вика всё время поливает, потом расстраивается.

Белов достал папку и положил ладонь на обложку.

— Прежде чем вы начнёте, я должен объяснить, что возврат не тождествен восстановлению. Нельзя просто вернуть человека туда, откуда его убрали. За это время другие люди успели сделать что-то своё.

— Пока я прошу объяснить, на каком основании вы вмешались.

— Обращение лица, осуществляющего заботу.

— Это полномочие чем подтверждается?

— Фактом заботы.

Вера сняла очки. Пока она поднималась по лестнице, они перестали ей мешать.

— Вы понимаете, что эту конструкцию можно применить к кому угодно?

— Именно поэтому она удобна.

Он сказал это без удовлетворения. Скорее с досадой на плохо расположенную дверную ручку, которой давно пользуются и никак не переставят.

Белов показал обращение. Тамара Васильевна Кузьмина сообщала, что соседка много лет страдает, а сама никогда никуда не пойдёт. Под текстом стояли две подписи. Одна принадлежала Кузьминой. Другая была обозначена как «Согласование интересов получателя».

Вера узнала свою фамилию раньше, чем поняла, что смотрит на неё.

— Это не моя подпись.

Белов подвинул лист ближе.

Подпись действительно отличалась от нынешней: крупнее буква «Р», длиннее росчерк. Именно так Вера подписывала первые заявления в студенческом общежитии. Потом научилась экономить движение.

— Откуда это взялось?

— Из действующего поручительства. К делу приложена копия. Оригинал хранится отдельно.

Он перевернул страницу, но Вера придержала её пальцем.

— Дата.

— Какого документа?

— Моего действующего поручительства.

Белов некоторое время смотрел на её руку. Потом сказал:

— Двадцать третье ноября тысяча девятьсот девяносто шестого года.

В кабинете было жарко. Вера расстегнула пальто и подумала, что не умеет ничего из того, чем зарабатывает на жизнь. Не умеет читать, задавать вопросы, отличать важное от второстепенного. В субботу двадцать третьего ноября девяносто шестого она находилась в больнице. Тогда у неё ещё был отец, если считать, что человек остаётся отцом в течение тех двух часов, пока врач не решается войти к родственникам.

— Мне нужна заверенная копия.

— Сначала надо установить, что вы помните обращение.

— Я его не помню.

— Тогда процедура займёт больше времени.

Белов записал что-то на узкой карточке. Перо скрипнуло. Только теперь Вера заметила, что у него нет компьютера. Не было его и в окошке внизу. Вместо компьютеров люди здесь пользовались бумагой с той бережностью, с какой в других учреждениях относились к серверу.

— Почему у меня не исчезла справка Елисеевой?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы сохранили оригинал?

— Клиентка передала мне документ. Я выдала расписку.

Белов неожиданно улыбнулся.

— Правильно.

Улыбка ей не понравилась. В ней было облегчение человека, который ждал от другого правильного поступка, ничего этому другому не объяснив.

— Для кого правильно?

— Для Натальи Петровны. Вы приняли обстоятельство на хранение. Поэтому оно не стало бесспорным. Мы ещё можем разобраться.

За дверью послышался шум. Кто-то настойчиво спрашивал, где здесь принимают оригиналы. Потом раздался мальчишеский голос:

— Я вам оригинал. Вот я. Куда мне с собой?

Вера вышла в коридор. У лестницы стоял худой подросток в расстёгнутой куртке. На рюкзаке болтался светоотражатель в виде скелета рыбы. Сотрудница из окошка держала перед ним бланк и явно не знала, какую графу заполнить.

Вера узнала автомобиль на обложке дневника, торчавшего из бокового кармана.

— Митя?

Мальчик оглянулся с неприязнью.

— Я вас знаю?

— Я помогаю вашей маме.

— Все помогают. У неё уже сахар нормальный. Вы тоже про это?

— Я про отца.

Митя перестал теребить светоотражатель.

— Его нет, — сказал он. — Но я знаю, как он смеётся.

Белов стоял у двери кабинета и смотрел на них. Сотрудница протянула ему бланк.

— Павел Ильич, он по факту рождения. Мы такие без родителя не берём.

— Берём, — ответил Белов. — Сегодня возьмём.

Чайник на столе начал остывать. Вера усадила мальчика рядом с собой и попросила у Белова ещё одну чашку. Прежде чем разбираться в устройстве мира, следовало хотя бы перестать держать ребёнка в коридоре.

Митя не хотел чая. Потом спросил, можно ли сладкий, и положил в чашку три кусочка сахара. Белов дал ему ложку. Вера не стала говорить, что столько сахара вредно. Для человека, который только что сообщил об отсутствующем отце, у неё сейчас не было права выбирать главное по привычке.

Мальчик рассказал, как приехал. В школе не нашли документ об отце, нужный для какой-то поездки. Раньше этот документ приносила мать. Теперь классная уверяла, что никогда не просила, поскольку мать давно воспитывает его одна. Митя поверил бы ей: он и сам это помнил. Но когда открыл дневник, увидел выведенное матерью отчество. Отчество казалось обыкновенным, а объяснение, откуда оно взялось, всякий раз получалось другим.

— В интернете пишут, так бывает, — сказал он. — Когда помнишь то, чего не было. Только там обычно про кино или рекламу. А я помню, как он дверь ванной чинил. И как злился, когда я под отвёртку пальцы совал. Кому я это выдумал?

Вера попросила рассказать про дверь. Белов начал что-то записывать, и Митя перестал говорить.

— Вы куда это?

— В карточку наблюдения.

— Я вам ещё не разрешал.

Белов посмотрел на ручку, словно она вдруг оказалась в руке без его участия. Закрыв карточку. Перечеркнул последнюю строку, показал мальчику.

— Теперь спрашиваю. Можно записать, что ты помнишь? Не как согласие на изменения. Как твоё сообщение.

Митя подумал и разрешил записать про дверь. Про другое пока не хотел. Белов больше не уговаривал.

Вера заметила, что дневник принадлежал не только школьным отметкам. На полях были нарисованы провода, колёса и какое-то устройство с двумя ручками. Мальчик собирался сделать модель подъёмника. Андрей обещал достать маленький мотор из сломанной машины. Теперь Митя не знал, кто именно обещал. Знание о моторе существовало так уверенно, что отсутствие обещавшего человека казалось неубедительным.

— А если он мне не понравится? — спросил мальчик. — Когда найдётся.

Вера не сразу поняла вопрос.

— Сейчас у меня как будто хороший папа. Потому что я только хорошее успеваю вспомнить. Но мама же не просто так плакала. Я помню, что прятал от него наушники. Зачем-то.

Белов отодвинул чашку, чтобы не зацепить её локтем. Вера сказала, что они пока ищут человека и сведения о нём. Обязанности любить найденного человека из этого не возникает. Митя посмотрел с подозрением: взрослые нередко объявляли правило, которое переставало работать, стоило ребёнку им воспользоваться.

— И вы маме так скажете?

— При тебе, если захочешь.

Он согласился не сразу.

За дверью прошёл старик с футляром. Женщина из окошка объясняла ему, что инструмент не относится к человеку, если человек не подтверждён как музыкант. Старик остановился возле открытой двери и попросил у Белова ключ от комнаты хранения. Тот встал. Митя следил, как он разговаривает со стариком без карточки и без слова «случай». Когда Белов вернулся, мальчик спросил, почему не могут просто дать скрипку.

— Потому что её передали другому ученику. Старый учитель перестал помнить этого человека. Новый ученик занимается уже три года.

— Значит, у другого тоже отнять нельзя?

Белов кивнул. Митя долго размешивал давно растворившийся сахар.

Вера увидела, как в нём меняется ожидание. Он приехал за простой справкой, по которой взрослые обязаны вернуть прежний мир. Теперь выяснялось, что в мире успели поселиться другие люди. Мальчик мог обидеться на них. Мог не захотеть ничего слушать. Он только спросил, можно ли сперва всё-таки найти отца, а уж потом решать про скрипку.

Они договорились пойти к матери. Белов выписал карточку непосредственного участника и объяснил каждый пункт. Митя сам убрал её в дневник. Вера позвонила Наталье, прежде чем уводить его из Управления. Та уже успела добраться до соседки: одной дома ей становилось трудно отличать память от желания.

На выходе Митя задержался у автомата. На белом талоне Веры всё ещё не было номера.

— А если вы его потеряете?

— Буду объяснять, зачем пришла.

Он немного подумал, затем достал из рюкзака прозрачный файл и отдал ей. Для талона файл оказался слишком большим, зато туда поместилась фотография. Вера поблагодарила и убрала её так, чтобы рукав человека на снимке не загибался по краю.

Глава 3

Лицо заботящееся

Тамара Васильевна жила этажом выше Елисеевых, в квартире с двумя замками и одним очень старым фикусом. На входной двери был приклеен лист: «Кто берёт рекламу, тот её и убирает». Лист, по-видимому, не помогал. Рядом валялись три проспекта с изображениями счастливых обладателей новых окон.

Она открыла сразу, но цепочку не сняла.

— Паспорта не показываю. Счётчик исправный.

— Я по поводу Натальи Петровны.

Тамара посмотрела через плечо Веры на Митю и открыла дверь.

— Опять не в школе?

— У меня семейные обстоятельства, — сказал мальчик.

— У всех семейные обстоятельства. Это не повод.

Она пропустила их на кухню, машинально поправив Мите воротник. Вера увидела, что он терпит прикосновение, хотя ему неприятно. Не настолько неприятно, чтобы ссориться. Так, вероятно, и начиналось большинство их здешних отношений.

Наталья Петровна сидела за столом. Перед ней стояла чашка, накрытая блюдцем. Увидев сына, она вскочила.

— Ты где был? Я тебе звоню!

— Телефон на беззвучном.

— Почему?

— Потому что ты звонишь.

Они оба замолчали. Тамара привычно сделала шаг между ними, и Вера попросила её пока ничего не говорить. Попросила резко. Пришлось тут же повторить спокойнее.

Митя показал матери выданную Беловым карточку. На ней было написано: «Непосредственный участник. Связь оспаривается». Наталья взяла карточку обеими руками и долго читала. Потом села.

— А я думала, ты меня стесняешься, — сказала она.

— Я и стесняюсь. Ты в подъезде всем рассказываешь.

Это было настолько обыкновенно, что Вера почувствовала облегчение. У мальчика ещё оставалось право сердиться на мать по обычной причине.

Тамара поставила перед ним тарелку с бутербродами и попросила объяснить, в чём, собственно, претензия. Обращение она действительно подавала. Об этом знали в колледже, в поликлинике и в домовой группе. Наталья сама не раз писала, что у неё больше нет сил.

— Вам покажи, что человек задыхается, вы будете спрашивать согласие на окно?

— Человек после этого не перестает помнить комнату, — ответила Вера.

— А что хорошего ей помнить? Как он на Новый год напился? Как денежный перевод брату скрывал? Я это всё слышала. Потолки тонкие.

— Вы можете говорить тише, — попросил Митя.

Тамара взглянула на него и убрала со стола нож. Нож не имел к разговору никакого отношения. Видимо, ей требовалось сделать что-нибудь полезное.

Вера попросила рассказать, как нашли Управление. Оказалось, номер дали в поликлинике. Не врач: женщина из очереди. У той после вмешательства дочь разошлась с человеком, который запирали её дома. Всё произошло очень тихо. Исчезли общие кредиты, съёмная квартира, половина знакомых. Девушка вернулась в институт. Мать плакала от благодарности.

— Я не собиралась Наталье память отшибать, — сказала Тамара. — Мне объяснили — уберут влияние. Я и подумала: какое от него влияние? Одно давление.

— Что вы подписали?

— Заявление. Что действую в интересах соседки. И что она сама на лучшее согласна.

— Она вам это говорила?

— А кто не согласен на лучшее?

Наталья смотрела в окно. За стеклом мужчина в оранжевой жилетке очищал водосток от листьев. Он вынимал их палкой и складывал в чёрный мешок с такой тщательностью, словно разбирал чужую переписку.

— Я хотела, чтобы Андрей перестал пить, — сказала она. — А не чтобы его не было.

— Это вам теперь легко говорить.

— Мне и теперь нелегко.

Вера попросила показать второй экземпляр обращения. Тамара пошла за ним в комнату. Митя спустил рукава на кисти и спросил, можно ли ему пока уйти. Мать уже открыла рот, но Вера успела сказать, что можно подождать внизу, у подъезда. Наталья закрыла рот и кивнула. Мальчик вышел, громко застегнув молнию.

Второй экземпляр сохранился в коробке из-под обуви, среди квитанций за электричество. Тамара держала его так, словно виноват был сам лист.

Вера прочла заявление до конца. Пункт о согласии соседки был напечатан мелко, но разбирался хорошо. Под ним стояла подпись Тамары. Следом шло разрешение распространять результат на зависимых членов семьи. Эта строчка была отпечатана бледнее остальных.

— Зависимых, — повторила Наталья.

— Ребёнку же лучше, когда в семье спокойно, — сказала Тамара.

Вера положила рядом свою расписку и предложила им обоим написать, что именно они помнят. Раздельно, без подсказок. Тамара недовольно спросила, что в этом поможет.

— Пока не знаю. Но одна бумага у нас уже осталась, когда остальные исчезли.

Писали долго. Наталья брала паузы, закрывая глаза. Тамара исписала обе стороны и попросила ещё лист: о пьянстве Андрея получилось подробнее, чем о самом обращении. Вера не останавливала. Свидетель не обязан рассказывать только то, что удобно представителю.

Когда они закончили, из кухни исчезло имя с магнитного календаря. Там ещё десять минут назад было написано: «Андрей — резина». Теперь стояло: «Автомобиль — резина». Наталья заметила это первой и схватила за край стола.

Вера сфотографировала календарь. На экране тоже получился автомобиль.

— Вы видели, что здесь было? — спросила она Тамару.

Та ответила не сразу.

— Я видела, что вы смотрите. Самого не прочитала.

Это было важное различие. Вера записала его и попросила обеих расписаться под наблюдением. Чернила в ручке закончились на последней букве. Тамара принесла новую, красную. Так в деле впервые появилось красное.

Перед уходом Наталья попросила зайти к ней на пять минут. Тамара хотела проводить, но женщина сказала, что справится. Это прозвучало неожиданно твёрдо. Соседка обиделась, начала собирать посуду. Наталья дождалась, пока она поставит чашку, и только потом закрыла за собой дверь.

В квартире было чисто, светло и непривычно просторно. Одна комната, которую прежде занимали вещи Андрея, теперь стала кабинетом. На столе стоял хороший монитор, возле стены лежали свёрнутые чертежи. Наталья показала короткую полку. Вера достала рулетку, одолженную у офисного мастера, и измерила. Шестьдесят сантиметров. Под креплением остался след старой пыли, заканчивавшийся дальше.

— Может, другую повесили, — сказала Вера.

— Может. Но я не вешала.

Наталья открыла шкаф. На нижней полке стояла коробка с тетрадями. В одной оказались её прежние записи по вечерам: что купить, за что заплатить, кого предупредить. Почти всюду число необходимых действий превышало число свободных часов. Вера листала с разрешения хозяйки и вдруг поняла, почему та не требовала простого возврата. Прежняя жизнь была представлена здесь с такой тяжестью, что от неё захотелось отойти на шаг.

— Я теперь успеваю готовиться к занятиям, — сказала Наталья. — У меня появился вечер. Сам по себе. Раньше если он спал, я боялась разбудить. Если не спал, он всё время звал. Подай, посмотри, почему не отвечаешь. Я могла бы прямо так оставить.

Она села на край дивана. У дивана оказалось две одинаковые подушки. Наталья убрала одну, потом вернула.

— Только я не решала оставлять. Меня поставили перед результатом и объяснили, что хорошая женщина должна быть довольна. Раньше тоже объясняли, чем я должна быть довольна. Просто другим.

Вера записала не сразу. Спросила, хочет ли Наталья включить это в показания. Та покачала головой: пока говорила ей, а не делу. Вера закрыла тетрадь. Было трудно привыкнуть, что важная фраза может остаться вне материалов и от этого не стать потерянной.

За окном Митя разговаривал с незнакомой девочкой. Показывал что-то в телефоне, девочка смеялась. Наталья посмотрела вниз и невольно улыбнулась. В этот момент сын принадлежал своей жизни гораздо больше, чем их общему расследованию. Вера почти услышала следующий материнский вопрос — кто это. Вопрос не прозвучал.

На кухне Наталья сняла с холодильника список продуктов. В нём стояло: хлеб, кефир, яблоки. Затем незнакомым почерком было дописано: «Не забыть, что мы договаривались». Она показала эту строчку Вере.

— Я помню, что обижалась из-за неё. А о чём договаривались, не помню. Наверное, было что-нибудь совсем обыкновенное. Приехать вовремя. Не обещать Мите без меня.

Вера попросила оставить список на месте и записать, откуда он взялся. Наталья прочла его ещё раз, затем сама добавила сегодняшнюю дату. Никакого события не произошло. Ручка скрипнула по магнитной доске, оставив неровную цифру.

На площадке они задержались: из соседней квартиры вышел мужчина с детской коляской. Поздоровался с Натальей, спросил, как её новый курс. О муже не спросил. Он привык к её улучшенной биографии и, кажется, искренне радовался успехам. Наталья ответила, поблагодарила за прошлую помощь с компьютером. Вера видела, сколько сил ей стоило не начать немедленно доказывать ему собственное прошлое.

— Каждому ведь не объяснишь, — сказала она, когда мужчина ушёл.

— Сразу каждому не нужно.

— А вдруг потом я сама перестану объяснять?

Вера достала чистый конверт и попросила вложить туда то, что Наталья хочет сохранить сейчас. Та вернулась в квартиру и принесла лист с холодильника. На лестнице написала на конверте своё имя, потом имя мужа и сына. Вера расписалась на склейке как принявшая на хранение. Оставила хозяйке расписку. Только после этого они спустились вниз.

Митя стоял у подъезда под козырьком. В руках у него был старый телефон с треснувшим экраном.

— Он мамин был. Без симки. Я нашёл в шкафу.

На телефоне сохранилось видео. Андрей Елисеев пытался запустить воздушного змея. Змей падал, Андрей ругался, Митя за кадром смеялся так заразительно, что засмеялась и Вера. В конце мужчина наклонился к объективу, заслонив половину кадра, и сказал: «Сам-то попробуй, инженер».

— Пока смотрю, помню, — сказал Митя. — А уберу — вроде как кино чужое.

Вера спросила разрешения сделать копию. Он разрешил. Копия получилась без человека: змей поднимался и падал сам. На старом телефоне Андрей оставался.

— Зарядку не потеряй, — сказала Вера.

Митя посмотрел на неё с благодарностью, какой она сегодня не получила ни за один из своих профессиональных вопросов.

Он сообщил, что знает, где теперь работает отец. От школьной стоянки утром отъезжал автобус, и водитель смеялся тем самым смехом. На стекле были написаны маршрут и номер парка. Митя стоял рядом десять минут и не решился подойти.

Вера записала номер. Уходя, она заметила на подоконнике первого этажа брошенные кем-то ключи. Ключи были самые обычные, с красной пластмассовой меткой. Она подумала, что их, наверное, скоро начнут искать. Потом подумала, что, возможно, уже некому.

Вечером ей позвонила дочь.

— Мам, ты не забыла, что я завтра уезжаю смотреть лабораторию?

— Ты уже решила?

— Я решила посмотреть. Мы же обсуждали.

Вера ничего подобного не помнила. Она стояла посреди тротуара, держа телефон и конверт с чужими воспоминаниями, и внезапно поняла, как легко сейчас будет испугаться за всё сразу.

— Пришли адрес, — сказала она.

— Зачем?

Ответ был очевиден. На всякий случай. Если что-нибудь случится. Чтобы знать. Все три причины звучали заботливо и почему-то не годились.

— Чтобы представить, где ты будешь.

Даша прислала адрес и фотографию здания. Вера сохранила фотографию, не делая копии на бумаге. До вечера в её жизни должно было остаться хотя бы одно обыкновенное действие.

Глава 4

Справка об отсутствии

Наутро Лида признала существование Натальи Петровны, но только в пределах имени, написанного под стеклом.

— Если вы сами записали, значит, была, — рассудила она. — Я всё-таки не могу помнить каждого.

Вера не стала её убеждать. Она попросила купить три толстые тетради, пачку конвертов и копировальную бумагу. Последнее поручение Лида переспросила дважды. Потом предложила заказать в интернете и удивилась, когда Вера велела сначала позвонить в магазин и поговорить с живым человеком.

Справка Елисеевой больше не находилась ни на одном сайте. Вера поискала по номеру, по дате и по названию выдавшего органа. Сервис уверенно сообщал, что такой номер никогда не использовался. В конце сообщения была кнопка «Исправить неточность». Она не стала её нажимать.

Вместо этого поехала к знакомой сотруднице архива районного отдела регистрации. Людмила работала там двадцать девять лет и знала, что прежние порядки не всегда хуже новых. По этой причине она хранила за шкафом коробку с ненужными инструкциями. Именно из таких коробок Вера дважды добывала вещи, которые официально давно уничтожили.

Людмила выслушала её, не снимая бумажных манжет, которыми защищала рукава кофты от пыли.

— Жена говорит — был. Это понятно. Муж говорит — не было. Это тоже понятно. А документ говорит что?

— Что его улучшили.

— Документ?

— Обстоятельство.

Людмила посмотрела поверх очков и достала ключ от комнаты хранения.

За час они нашли запись о курсах компьютерного черчения, прошедших в день предполагаемой свадьбы. Курсы почему-то были внесены в книгу брачных регистраций. Людмила некоторое время смотрела на строчку, потом закрыла книгу и снова открыла.

— Неправильно, — сказала она.

Вера почувствовала почти физическую благодарность. Не «не бывает», не «вы перепутали», а простое профессиональное признание неисправности.

Пока Людмила искала старый реестр выдачи бланков, буквы начали меняться. Это произошло очень скучно. Слово «курсы» расплылось, будто в бумагу впиталась капля воды. Вера увидела под ним часть другого слова. Людмила наклонилась, придержала страницу и велела не дышать.

— Вот здесь, — сказала она. — Запись сделана другой ручкой. Надавили сильно. Копировальный слой остался.

Они подложили белый лист и осторожно провели по нему мягким карандашом. Появились две фамилии. У Веры дрожала рука, а Людмила злилась: она не любила, когда с бумагой обращаются без уважения.

— Я подтверждаю, что видела запись, — произнесла она, словно диктовала акт. — В присутствии Рудневой Веры Андреевны.

Строчка перестала расплываться.

Людмила ещё не понимала, что произошло. Вера тоже не понимала. Но обе уже стояли по одну сторону страницы, и страница, кажется, учитывала это обстоятельство.

Они составили акт. Людмила подписала его, поставила дату и вдруг спросила, не повредит ли это её сыну. Он собирался получить квартиру по какой-то сложной программе. Она долго ждала подходящего момента, чтобы попросить Веру проверить договор.

— Я не знаю, — честно ответила Вера.

Людмила немного помолчала, потом достала второй лист.

— Тогда сделаем два экземпляра.

До офиса она дошла пешком. Ей хотелось проверить, остаётся ли город прежним, если некоторое время не смотреть на бумаги. В булочной покупали хлеб, у банкомата спорили из-за очереди. Мужчина нёс под мышкой длинную пластиковую панель и всё время задевал ею людей, извиняясь уже после прикосновения. Никто не выглядел специально устроенным для её благополучия.

Возле двери стоял Аркадий Павлович, старый клиент. Держал портфель на двух замках. Вера забыла, что обещала посмотреть его новый договор. Лида, наверное, должна была перенести встречу, но не успела. Она извинилась и предложила зайти.

Аркадий Павлович собирался переехать к дочери. Дочь нашла покупателя на его квартиру и прислала все документы в готовом виде. Отец не возражал против переезда. Не возражал даже против продажи, если удастся сохранить мастерскую в маленькой комнате. Но мастерская в новых обстоятельствах почему-то нигде не помещалась.

— Она мне добра хочет, — объяснил он. — Сама ко мне мотается, продукты возит. Я всё понимаю. Только она обещает, что мне ничего не придётся делать. А я именно делать хочу. Пока руки держат.

Вера поймала себя на том, что уже открывает тетрадь с чужими обстоятельствами. Закрыла её. Здесь не было никаких признаков вмешательства. Старик пришёл с обычным вопросом, который не становился фантастическим от того, что мир оказался сложнее.

Они прочли договор. Мастерскую никто не запрещал. Просто в проданной квартире её оставлять было негде, а другое помещение не предусмотрели. Вера спросила, говорил ли он с дочерью прямо. Аркадий Павлович ответил, что говорил намёками, чтобы не обидеть. Дочь решила, что он тревожится о ненужных вещах.

— Они мне нужны, — сказал он и раскрыл портфель.

Внутри лежала маленькая деревянная птица. Одно крыло ещё не было обработано. Он делал её для внучки, которая любила всё настоящее и не любила, когда за неё выбирали цвет.

Вера не стала предлагать готовый семейный порядок. Помогла выписать условия, без которых он не готов заключать сделку. Аркадий Павлович долго подбирал слова, потом позволил дочери при ней. Сперва говорил виновато, затем увереннее. Дочь, насколько слышала Вера, раздражалась. Но не повесила трубку. В конце договорились ещё раз съездить посмотреть помещение вместе.

Мужчина убрал птицу и спросил, сколько должен за консультацию. Вера едва не сказала, что ничего. Потом назвала обычную сумму. Его вопрос заслуживал обычной профессиональной работы, а не случайной щедрости человека, увлечённого спасением действительности.

На лестнице Аркадий Павлович остановился: по телефону дочь хотела уточнить время поездки. Они поговорили ещё минуты три. Вера подождала, пока он спустится, и только потом вернулась к своим тетрадям. Стало немного спокойнее. Не потому что обычный мир оказался лучше. Он по крайней мере давал возможность увидеть, на что человек действительно согласился.

В офисе Веру ждал человек с коробкой печенья. Он представился специалистом по сопровождению и очень обрадовался, узнав, что документы она хранит сама.

— Это сокращает расходы. Иногда приходится долго устанавливать держателя.

Лида с неодобрением смотрела на его мокрые ботинки. Под ними уже образовались две лужицы. Вера попросила её пока ничего не подписывать.

Специалист объяснил, что пришёл не за подписью. Ему требовалось вручить уведомление о взятии самой Веры Андреевны под предварительную защиту. Основанием послужил рост её вовлечённости в обстоятельство с отрицательной динамикой.

— Кто обратился?

— Защитные меры по действующему договору обращения не требуют.

— Я отказываюсь.

— От текущих неудобств?

— От ваших мер.

Он поправил галстук. Галстук был с маленькими лыжниками и совершенно не подходил к выражению его лица.

— У нас нет задачи причинить вам вред.

— Хорошо. Запишите мой отказ.

Специалист открыл папку и показал графу. Там уже стояло: «Возражение обусловлено неполнотой сведений».

Лида перестала смотреть на ботинки.

— А если ей просто не нравится?

— Тогда мы уточним причины.

— А если я уточняю, что не надо уточнять?

Специалист повернулся к ней с искренним интересом. Лида отодвинула коробку печенья. Под коробкой оказалась брошюра, которой прежде не было. На обложке улыбалась женщина, похожая на Веру лет десять назад. Подпись гласила: «Ваши близкие уже в безопасности».

Вера взяла брошюру и разорвала пополам. Ничего не произошло. Ещё раз — тоже ничего.

— Материальный носитель не является источником обязательства, — вежливо заметил специалист.

Вера перестала рвать. Эта фраза была полезнее всего, что она услышала сегодня.

— Где источник?

— В предоставленном праве действовать.

Она попросила его повторить и записала дословно. Потом потребовала копию уведомления и адрес для подачи возражений. Специалист оживился: наконец-то от него требовали что-то предусмотренное инструкцией.

Когда он ушёл, Лида открыла коробку.

— Есть будете?

Вера посмотрела на неё.

— Я серьёзно. Там печенье обычное. Может, хоть оно ни при чём.

Они съели по одному. Потом Вера рассказала ей всё, начиная с короткой полки. Лида слушала, хмурясь, и всё время смотрела на имя под стеклом.

— Я уже её забыла? — спросила она наконец.

— Один раз.

— Тогда записывайте меня тоже. На следующем листе. Чтобы я знала, если опять.

Вера завела первую из трёх тетрадей. На обложке написала «Хранение». Вторая предназначалась для фактов, третья — для тех вещей, в которых она пока не была уверена. Третья с самого начала казалась самой необходимой.

Перед закрытием позвонил Белов. Он спросил, не вручали ли ей уведомление. Узнав ответ, долго молчал.

— Завтра вас примет Лев Семёнович. Раньше не получается.

— Почему вы не предупредили?

— Я надеялся, что успею иначе.

— Не надо за меня надеяться иначе. Объясняйте, что знаете.

Белов вздохнул.

— Тогда не берите домой документы на дочь. Никакие. И прежде чем вам придёт в голову их уничтожить — уничтожение не поможет.

— Я уже проверила, — сказала Вера.

В окне отражались её лицо, лампа и записанное под стеклом чужое имя. Позади, у двери, Лида натягивала сапоги. Отражение показывало, как она остановилась и достала из сумки тетрадь.

Она всё-таки записала имя Елисеевой себе.

Глава 5

Непересматриваемые факты

Перед встречей с директором Вере пришлось подождать. На втором этаже сидела женщина с большим прозрачным пакетом лекарств. Рядом — пожилой мужчина, аккуратно сложивший шапку на коленях. Они говорили шёпотом. Вера не слушала, пока женщина не спросила у неё, не юрист ли она.

Оказалось, Вера держала на коленях папку с чужой распиской. По этой папке её и узнали. Женщина хотела узнать, могут ли они попросить помощь по одному вопросу, не соглашаясь на другой. Её мужу требовалось вовремя попасть на обследование. Она сама хотела заодно убраться из его жизни приятеля, который, по её мнению, плохо влиял на режим.

Мужчина поднял голову.

— С обследованием согласен. С Валерой нет.

— Ты после Валеры неделю собираешься.

— Я и до Валеры неделю собираюсь. Ты просто не замечаешь.

Женщина хотела возразить, но спросила Веру, можно ли так разделить. Вера ответила, что она не сотрудник и не знает их процедуры. Зато видит: один из участников уже ясно назвал условие. Женщина посмотрела на мужа так, словно услышала его фразу впервые.

Дверь открылась. Сотрудница позвала их, но мужчина не встал. Спросил, записано ли условие про приятеля. Сотрудница проверила лист, сказала, что дополнительное пожелание супруги не войдёт без отдельного согласия. Показала, где это отмечено. Только тогда он поднялся и подал жене шапку.

Вера осталась на скамейке с неприятным чувством. Здесь умели делать правильно. Следовательно, всякая ошибка не могла быть объяснена единственной слепой машиной. Кому-то удавалось услышать вопрос, кому-то было удобнее принять готовое предположение. Значит, люди в Управлении отвечали не только за исполнение технических правил.

Белов пришёл за ней через несколько минут. Вера рассказала о разговоре. Он сказал, что дело ведёт Инна Сергеевна. Она всегда требует отдельно обозначать пожелания сопровождающего. За это её считают медлительной. Премии за скорость у неё меньше, зато почти нет случаев, в которых потом приходится искать участников.

— Почему вы не сделаете её порядок общим?

Белов потер переносицу.

— У неё меньше принятых обращений. Если считать только их число, порядок получается хуже.

Вера посмотрела на дверь, за которой исчезли супруги. До сих пор она представляла главную трудность как спор с невозможным явлением. Теперь явление обрело знакомую форму отчёта. С невозможным хотя бы нельзя было заранее согласиться ради премии.

Лев Семёнович Кедров принял Веру в комнате, похожей на кабинет заведующего хорошей районной поликлиникой. На столе лежали очки, две старые фотографии и яблоко, надрезанное наполовину. Нож был завернут в салфетку. Вера сразу решила, что человек собирался поесть и не успел. Это несколько мешало видеть в нём необходимое чудовище.

Кедров попросил Белова остаться. Тот сел у окна, не расстёгивая пиджака.

— Мои сотрудники говорят, вы осторожны с формулировками, — начал директор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.